

Светлана
Ананьева

«ФЛАМИ, ИЛИ ОЧАРОВАННЫЕ СОБОЙ»: МНОГООБРАЗИЕ КРАСОТЫ И ТРАГЕДИЙНОСТЬ

Автоинтерпретация событий, получивших художественное отражение в ткани художественных произведений, актуальна в современном мировом литературоведении. Мы наблюдаем расширение «проблемного поля изучения автобиографического жанра в его классическом определении, реактуализирован вопрос о соотношении реальности и вымысла как в автобиографии, так и в литературе в целом... Автофикция способствовала обновлению нарративных стратегий автобиографии, проблематизировала единство автобиографического Я, соотношение правды и вымысла в автобиографии» [1, с. 502].

Особую роль в построении сюжета одного из последних произведений известного русского писателя, народного писателя Казахстана Дмитрия Снегина «Флами, или Очарованные собой» играет память. Через многие десятилетия автор возвращается к себе, каким он был в юности. Отсюда – особый, добрый, светлый колорит повествования, полупрозрачность текста и его интермедийность. Нарратор-повествователь словно приглашает читателей в свободный полет. Таинственная и привлекательная жизнь открывается их взорам.

Голос автора, обращенный к читателю, звучит в предисловии: «Чем дальше отодвигается во времени событие, пережитое нами, тем ярче предстает его очарование и глубже видится трагедийность. В этом свойстве человеческой природы заключена большая опасность: чем позднее мы обращаемся к воспоминаниям, тем дальше отдаляемся в своем представлении о пережитом от действительной картины, искажая ее в стремлении к зрелой правдивости» [2, с. 4].

«Флами...» наполнена размышлениями о влиянии счастливой поры юности на формирование личности и представляет собой не обобщенную картину переломной эпохи 30-х годов богатыми контрастными потрясениями XX века, а «эскизы некоторых событий, лично пережитых автором, когда любовь и размолвки бурны и непредсказуемы, впрочем, как и другие чувства и поступки. Все достижимо и возможно. И никаких недозволенностей» [2, с. 6].

Ретроспективный взгляд писателя в прошлое позволяет переосмыслить его, по-новому осветить характерные черты того времени и самобытные характеры главных героев. Жанр повести автор (он же лирический герой повести. – С. А.) определил как *степная сказка*. Повесть о романтическом приключении далекой студенческой поры, о том, что сбылась мечта героя встретить наяву свою жар-птицу, с нежным, теплым, розовым-розовым именем Флами (производным от «фламинго»).

На протяжении повести, во многом автобиографической, происходит своеобразный диалог прозаика с читателем. Дм. Снегин спорит, убеждает, иногда иронизирует. «Все это выдумки! – возмутится иной читатель. – Такое бывает только в сказках. Верно: сказка – ложь, да в ней намек. Так считал и наш Великий Поэт. Таинственные, загадочные неожиданности подстерегают нас со дня рождения и не выпускают из своих сетей до последнего вздоха. Мы об этом не догадываемся, пока они не становятся мучительно сладкими воспоминаниями» [3, с. 13].

Интерес к сказкам может проявляться на всех уровнях «от простого осовременивания до полного переосмысления, от развертывания старых сюжетов до порождения новых – по образцу старых или в противовес им» [4, с. 153]. Сохранение волшебности повествования, своеобразное очарование, неторопливая манера описания помогают Дм. Снегину создать определенный и неповторимый художественный мир, нарисовать яркие картины степного пейзажа, передать достоверные впечатления от развивающихся в действительности событиях.

В определенной степени «постмодернистскими можно назвать книги Дм. Снегина “Сказать себя, или Пелым и его обитатели” и “Флами, или Очарованные собой”». В романе “Сказать себя...” два повествовательных пласта: внешний и внутренний. Внутренний существует в сознании, он более мистический и вбирает в себя чудесный мир души повествователя. Метафоры, символы, литературные реминисценции, хронологическая полифония – отличительная черта стиля романа» [5, с. 328].

Изображение безбрежной степи в степной сказке «Флами, или Очарованные собой» раздвигает пространственные рамки повести. Появляется мотив вечности: «Безбрежность степи, мнилось, велика оттого, что воздух, ее оберегающий, серебрист и пронзительно прозрачен. Видна, как на ладони, каждая былинка, прильнувшая к миражно-отдаленному горизонту, беспрепятственно и незримо кочующие запахи и шорохи подчеркивают безмолвие и величие степи. Хочется упасть навзничь, раскинуть руки, смежить глаза и, отрешившись от роковых страстей времени, раствориться в вечности...» [3, с. 23].

И тут же следует авторская ремарка. «Над ней, слышал, время не властно...» [3, с. 23]. Концепты времени и пространства – основополагающие в повествовании, как и концепт памяти.

Всё в степи предназначено для жизни: «Каждый колосок, каждая былинка – личность, со своим предназначением и сроком бытия». Поэтому так органичны в поэтике степной сказки картина охоты беркута, зарисовки чибисов и поджарых остроклювых куличков («Чибисы осторожно вскрикнули и, быстрокрыло прижимаясь к степной глади, нырково скрылись за горизонтом; длинноклювые кулички, как бы и не касаясь воды, переметнулись на противоположный берег»), розовых фламинго на Тенгиз-озере.

Поэтика сказки выстраивается вокруг концепта свободы. Изобразительно-выразительные средства повести-сказки Дм. Снегина несут оттенок сказочного и, порой, былинного повествования, что подчеркивают эпитеты: *удальская ширь*, *колдовские впадинки* и т. д. Извилистые *стежки* символизируют пути-дороги персонажей.

Яркость свечения степи *околдовывает* влюбленных. Мотивы *колдовства* и *волшебства* наиболее часто отражены в тексте: *колдовской дурман*, *колдовское душевное очарование*, *волшебное утро* и т. д.

Герои попадают в эпицентр *вселенского* безлюдья и *вселенского* безмолвия. Но мотивы *безлюдья* и *безмолвия* удачно орнаментированы мотивом свободы. Пока еще свободны некоторые персонажи. Угрюмое ожидание перемен к худшему только витало в степном воздухе. Узун-кулак доносит: «Какие-то центровки затевают

гибельный перегон всех овец нашей округи в южную пустыню под предлогом приблизить продовольственную базу к рабочему классу Караганды и Джезказгана... Быть всестепному мору».

Свободны цвета живописи степи, свободны линии рисунков. Свободно творчество. Всеохватное розовое свечение – в небе и на земле, на мерцающей водной глади и в раскаленной добела небесной сини. Так описывает фламинго Дм. Снегин: «Озерная глубь, почудилось, состояла из непривычных и бесконечно разнообразных по цвету и тембру бликов, всхлипов, всплесков, вздохов, перестуков, хрипов, вспышек, образующих монолитный, бархатисто-приглушенный гул...»

Сцена охоты беркута выдержана в контрастных тонах: «Три фламинго миражно пронесли над нами; они так *светились*, как будто были пущены влет *золотой* пращей самого *солнца*. Откуда ни возьмись, внезапно и молниеносно над нами взмахнул похожими на *черное пламя* крылами удачливый беркут». Вся озерная колония фламинго встала на крыло, и жестокая, скоротечная схватка закончилась «полным посрамлением горделивого владыки степного неба».

При описании фламинго преобладает лексика русской народной сказки: *посрамление, владыка, победные литавры, волшебно, принцесса* (смертельно перепуганная. – С. А.). Три счастливых создания под звон победных литавр взмыли в небо и «в тот же миг *волшебно* истаяли в прошитой розовой бахромой бездонной синеве».

Ритму сказки подчинено и строение фразы: «Но, увидев *диво-дивное*, ...подобно *Мюнхгаузену*, оседлал пушечное ядро воображения и влетел на нем в *царство* степной сказки».

Степь, в которой изумрудно зеленеет *Царство* Травы (именно так, заглавными буквами. – С. А.), *околдовывает и чарует*. В сказочно красивой и ухоженной Рождественке казахи и немцы живут мирно. На немецком языке звучат песни и прибаутки, вместе с пивом подается на стол молодой кумыс. В степи, как в сказке, разворачивается казахский дастархан, ароматный, сочный, вкусный.

Рождественка была открыта *семи ветрам*, и вели к ней *дороги со всех сторон света*. Само село описано как город мастеровых. Здесь и пивоварня («повел глазами *направо*»), и сапожная мастерская, и мукомольня («подале, *по левую руку*»), хлебопечкарня, кузница, шорная и бондарная мастерские, кормоперерабатывающий и конный заводы. Все ухожено, улажено, пригнано, застругано, покрашено и неправдоподобно чисто. Число *семь* вновь включено в повествование, причем неоднократно, на фоне древнерусской лексики: «На *красной* площади (в смысле красивой) высилась *дивной лепоты* кирха; к ее парадному входу поднимали *семь* ступеней, составленных из белого и черного кирпича. Напротив – школа *о семи окнах*...»

Но на фоне поэтичных степных пейзажей писатель передает предчувствие надвигающихся перемен. Убогие аулы с плоскокрышими мазанками, самодельные очаги не очень вписываются в пасторальную картину. Мужчины преклонных лет «с редкими – клинышком – бородками» встречали и провожали студентов «длинными, налитыми вековой тревогой и терпимостью глазами». Они принадлежали к верхам общества, владели гаремами и табунами коней, которых поставляли царскому военному ведомству.

Бег времени неумолим. «Шажки секундной стрелки по циферблату небесной сферы... меняют все сущее». Протяжным блеянием сопровождается глубокими степными ночами «при *скорбном* посвечивании луны» перегон несчетного скопища овец.

Меняется тональность степного пейзажа. Сравнения носят оттенок степного бытия: устойчивая, как настой *полыни*, глухота и др.

Бело-розовая цветовая гамма уступает место рваным угрюмым теням, чадившим смрадом головешкам, дымному удушью: «Орошенная жидким свечением перерезанной луны немереная степная ширь вдруг обрела незнакомые, ограниченные до клочка шагреневого кожи, угловатые контуры. Она не казалась ровной и плоской, какой виделась днем; за нами бесшумно крались рваные угрюмые тени, волоча за собой чадившие смрадом головешки. По мере отдаления от царства розовых фламинго крепло дымное удушье от тлевшего на корню бурьяна» [3, с. 121].

Скупыми и точными фразами Дм. Снегин повествует о переменах в степи, в Рождественке и Алма-Ате. Степь словно уменьшается пространственно. Аресты, отстранения от работы, увольнения. Нарратив линейен, события повести выстроены в определенном ценностном ряду.

В повести выведены реальные исторические деятели. Уразу Джандосову посвящен роман-диалогия Дм. Снегина «Утро и два шага в полдень», в котором показан жизненный путь выдающегося деятеля, процесс становления и формирования его личности. В повести-сказке это блестящий оратор, общительный, темпераментный, энциклопедически образованный, улыбчивый умница, речь которого искрится юмором. Говорит, озорно поблескивая яркими глазами.

Но приходит весть: отстранен от занимаемой должности в Алма-Ате под каким-то невразумительным предлогом. «Число разлук без расставания выросло еще на одну», – резюмирует автор.

Персонаж повести Фрикке Карл Христианович, секретарь объединенной Иностранной комиссии при народном комиссариате путей сообщения СССР по содействию строительству железной дороги Петропавловск – Акмолинск, непосредственно связан с событиями 30-х годов XX века.

Как контраст происходящим событиям – сказочный степной пейзаж. Так проявляется сознательная авторская стратегия позднего Дм. Снегина. Это и огромная багровая луна, впоследствии поменявшая багровость на неверную лимонную блеклость; и озеро-мираж, которое вдруг, неуклюже колыхнувшись подобно *сказочному морскому чудовищу*, кануло за горизонтом; и пылающая кровавая заря в акмолинских степях в пору пышного цветения.

Свободный человек перед лицом творящегося беззакония одинок и бесправен. И кружит *одинокий* коршун, умеющий читать степь. Передается *горький* запах жусана. Нещадно палит *жгущее* полуденное солнце. Густой настой целительной полыни и запахи стоцветного разнотравья сопровождают *пустынное* марево.

Сюжетная схема повести-сказки Дм. Снегина трансформируется, приводя к расширению сюжета. Хронотоп сказки отходит от «волшебности», создавая «определенный художественный мир» [4, с. 157]. Система персонажей видоизменяется, появляются представители мира чертей, потустороннего мира. Гиблый омут, мерцавший темно-янтарными бликами, казалось, наводнен взопревшими в теплой, солоноватой жижке *чертенятами*, которые потянули покачнувшегося из стороны в сторону Вальтера в свою обитель.

В сказку вторгается реальность: загнанное стадо сайгаков, степных антилоп, «одуревших от страха реликтовых животных», преследуемое пятью всадниками. Звериная гонка напоминает степной мираж и, внезапно возникнув, так же внезапно растворяется в степном мареве. Так пересекаются художественный и реальный мир казахской степи, изменяя ее темпоритм.

И тут же следует мгновенная зарисовка (как стоп-кадр) степного всадника. Неслучайно мы отметили интермедальность как своеобразие стиля Дм. Снегина. Он умело соединяет в повествовании элементы живописи и киноискусства. Автор выделяет в его облике горделивую цепкую посадку и голос «зрелый,

звучный, открытый – отличительная черта общительных, способных верить и вызывающих ответное доверие людей». Это управляющий вторым отделением совхоза «Заря Востока» Биен Мырзагельдин, в общении с которым стираются возрастные и духовные грани, а национальные, подобно двум струнам домбры, звучат в унисон.

В его уста автор вкладывает мудрые казахские поговорки и пословицы: «Избегай тех, кто хочет подорвать веру в твои возможности; тянись к тем, кто ценит твои способности и рад способствовать их развитию и совершенствованию»; «Не руби дерево, которое дарит тень, цветы и плоды; оно посажено не только для тебя» и другие. Он олицетворяет образ сеятеля-хлебопашца, который «ронял слова, как роняет зерна сеятель во вспаханное поле». И он же первый облакает в загадочные слова то, что ощущается в воздухе и что сообщил узун-кулак. Это подтверждает документальными сведениями и Федюкин, обращаясь к бургомистру Клинке: «Сплошная коллективизация не обойдет и ваших мест. Кулаки и баи будут ликвидированы как класс».

Портреты персонажей у Дм. Снегина всегда играют особую роль в раскрытии их характеров. Вспомним, что артиллерист Дм. Снегин освобождал святые Пушкинские места, «готовил, будучи начальником штаба артиллерии дивизии, бросок десантной группы на удерживаемый врагом Пушкинский заповедник: Михайловское, Тригорское и Святогорский монастырь» [6, с. 87].

«Я был там. Одна из огненных страниц моей жизни. К тому же парадоксальные сближения в чем-то сродни событиям, в которых принимал участие лично» [7, с. 6].

В «Странных сближениях...» Пушкин у Дм. Снегина разный: глубоко переживающий и замышляющий побег за границу, находящий спасение в творчестве (писал... писал... писал...), с отрадой принимающий отклики друзей на произведения. Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Сад Пушкинской поэзии продолжает шуметь чудотворно под вселенским ветром, и удивительным образом мотивы пушкинских сказок нашли отражение в тексте степной сказки Дм. Снегина «Флами, или Очарованные собой».

Повесть Дм. Снегина «Флами, или Очарованные собой», одно из последних произведений выдающегося русского писателя Казахстана, – поэтическое повествование о юности 30-х годов XX столетия. Жизнь познается юными героями во всем многообразии красоты и трагедийности, пока еще ими не осознаваемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И. А. К вопросу о соотношении автобиографии и «автофикции» // Язык и культура. Т. 1. Москва, 2005. С. 501–602.
2. К читателю // Снегин Дм. Флами, или Очарованные собой. Алматы: Ана тілі, 1997. С. 5–7.
3. Снегин Дм. Флами, или Очарованные собой. Алматы: Ана тілі, 1997. 224 с.
4. Маркова М. Жили долго и счастливо? Сказка в современной американской литературе // Вопросы литературы. 2017. № 1. С.152–171.
5. Ананьева С. Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI века. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2010. 356 с.
6. Ананьева С. Казахстанская Пушкиниана. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2009. 292 с.
7. Снегин Дм. Странные сближения, или Вокруг Михайловского. Алматы: ИД «Жибек жолы», 1999. 88 с.

